

МУСУЛЬМАНСКИЕ СВЯТЫЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ЛИРЫ ЯКШИБАЕВОЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЛИГИИ И ФОЛЬКЛОРА

Г.М. Набиуллина

Ключевые слова: Аулия, память народа, фольклорные жанры, караматы, народный целитель.

Keywords: Avliya, people's remembrance, folklore genres, Karamats, folk healer.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-08

Введение. Степень изученности проблемы

К началу XXI века Ли́ра Якшибаева (род. 1947) состоялась как прозаик. В течение последних 15 лет она работала очень плодотворно, опубликованные ею книги «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир Хазрет» (2008, 2011), «Габдулла Саиди» (2011), «Заветы святых», «Зайнулла Ишан. На пути к Истине. От Истины в Вечность» (2016), «Святые нашего народа» (2014), «Святой из рода Табын», также спектакль Сибайского драматического театра им. А. Мубарякова «Провидец», поставленный по мотивам повести «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир Хазрет» принесли ей известность и признание, в первую очередь как автору произведений, посвященных мусульманским святым – «авлия».

Прежде уточним смысл слова «аулияф», «авлия», «святой», то есть «вали». *«Вали (от араб. «валийа») – стоять рядом, быть близким; мн.ч. «авлия») – подвижник, которого Аллах за особые заслуги перед исламом наделил своим покровительством и чудотворной силой. Вали сродни христианскому святому»*¹.

В народе считалось, что *«святость – это обладание тайными знаниями, которые не даются обычному человеку, и данная оценка сегодня также не утратила свою значимость»* [Шарипова, 2008, с. 184]. Добавим, что в башкирском фольклоре, особенно в эпосах, легендах и преданиях, образ «авлии» *«увекочен» как «в письменных памятниках литературы у многих мусульманских народов»* [Шарафутдинова, 2007, с. 22]. Об этом свидетельствуют серия статей Ф.Ф. Гайсиной в газете «Йэшлек» (2012), книга «Башкортостан – страна святых» (2012), подготовленная коллективом авторов. Труды

¹ Гогихеридзе Г.М. Исламский толковый словарь. Ростов н/Д, 2009.

Р.Х. Насырова, И.Р. Насырова, С. Ярмуллина и статьи Г.Б. Хусаинова, Г.С. Кунафина, Л. Ямаевой, К. Аралбаева, С. Ильясова, А.Г. Утябая были значительными в плане раскрытия сведений о религиозном деятеле, ишане Зайнулле Расулеве, о его святости, *«которые были известны до этого из записей В. Бартольда, Р. Фахретдинова»*¹.

«Не только сами аулия, но и земли, на которые наступала их нога, источники, из которых они пили, их могилы также считаются святыми и бережно хранятся» [Шарипова, 2008, с. 184]. Известные учёные фольклористы, историки и этнографы Г.Р. Хусаинова, Ф.Ф. Гайсина, А.Б. Юнусова, З.Г. Аминев, М.Н. Фархшатов, З.И. Минибаева, Ю.А. Абсалямова отметили, что в топонимических названиях Башкортостана часто встречаются имена святых. В самом деле, в районах республики имеется множество гор, источников и могил аулия. Весной не зарастает тропа к святому источнику на горе Уау диуана (Вахит) около деревни Аушево Учалинского района, где расположена могила Рамазан аулия. *«О совершении мусульманскими богомольцами и больными паломничества к этой могиле и проводимых ими здесь ритуалах оставил свои записи известный дореволюционный краевед Р. Игнатъев»* [Аминев, 2008, с. 10].

В последние тридцать лет рост числа паломников, посещающих могилу Мужавира хазрета, доказывает пробуждение внимания населения к его личности. Нам известно, что биографией Мужавира хазрата *«интересовались краеведы»* [Сулейманов, 2017]. Статьи Ю.А. Абсалямовой «Мусульманские паломничества», З.И. Хабибовой «О целительстве и караматах святого Мужауира», Ф.М. Сулейманова «Биография и родословная известного табиба и мусульманского деятеля Мужавира Сиражетдинова», Г.И. Давлетбаева «Религиозная и просветительская деятельность Абдуллы Саиди», книги Гариф-хаджи Габдрахманова «Шейх Габдуллах ишан Муллакайский» (2012), «Жизнь и деятельность шейха Габдуллы Саиди аль-Булгари аль-Бурзяни аль-Сакмари Муллакайского-Нурмухаметова» (2018) и статья «Неутомимый деятель и просветитель» свидетельствуют о значительных исследованиях данной проблемы в области исторической науки. Кроме того, некоторые аспекты прозы Л. Якшибаевой были изучены в диссертационной работе Л.Р. Шарафутдиновой «Традиции суфизма в башкирской литературе» (2007), книге Г.М. Буляковой «Әзибәнең әйтер һүзе» («Слово писательницы», 2009), статье Р.З. Шакурова «Рухиәтебез мирасы»

¹ См. об этом подробнее: Набиуллина Г.М. Биография Зайнуллы-ишана Расулева в романе Муслима Абсалямова «Хальфа» // Исламоведение. 2015. № 3.

(«Наследие духовности», 2011) и рецензии А. Кульмухаметовой «Сказание о Мужавире-хазрате. По следам великого целителя» (2007).

Стало быть, в контексте заметного роста интереса к религии исследование прозы современной писательницы Л. Якшибаевой востребовано современной литературоведческой наукой. Исходя из этого, нами поставлена цель: проанализировать место и роль святых – Мужавира хазрата и Габдуллы Саиди – в повестях прозаика через призму фольклора и религии, уловить лейтмотив и глубинный смысл творческого послания писательницы в аспекте традиций суфизма.

Основная часть. Образ Авлии в прозе Л. Якшибаевой

Книга «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрет» и художественно-документальная повесть «Габдулла Саиди» Лиры-Ахмет Якшибаевой являются значительными произведениями в её творчестве. С точки зрения художественной общности и построения сюжета их можно объединить в единый цикл. Первая из них «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрет» по композиционно-сюжетному построению соответствует повести, хотя жанр произведения автором не обозначен. Жанр второй книги, посвящённой учёному, просветителю, религиозному деятелю, народному целителю и ясновидцу шейху, имам-хатибу мечети Муллакай Габдулле Саиди хажи, Лиры Якшибаева указала как литературно-документальная повесть. В предисловии своей первой книги прозаик знакомит читателя с предысторией своих произведений, разъясняя, что несколько лет тому назад у неё было видение, и оно предшествовало их появлению.

«В поляне во время утреннего намаза на зелёной траве в белом одеянии, в белой чалме сидели в кругу 12 солидных мужчин. Автор хотя в жизни их никогда не видела, почему-то всех сразу узнала. В середине сидел великий шейх Зайнулла Расулев, справа от него Мансур хазрет Халиков, рядом с ним Хатип хазрет, Сабир хазрет, мулла Абзелил, слева от Зайнуллы ишана его верный друг Гатаулла ишан, затем Байым ишан, Габдулла Саиди аулия из Муллакай, Халил мулла, Мужавир хазрет – аулия из Манхира, Буранбай сэсэн, Шамигул хальфа. Они попросили Лиру Ахмет Якшибаеву, чтобы она написала про жизни святых» (Якшибаева, 2011, с. 3)¹.

Вещий сон писательницы определил направление её дальнейшего творчества, она серьёзно увлеклась религиозной темой. Проникновение в мир религии потребовало от прозаика углубленного многопланового исследования. Вот что она пишет об этом:

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

«Участвовала во всех мероприятиях и научно-практических конференциях, посвященных Зайнулла Ишану Расулеву, изучала тарикат суфизма, навеждала могилы святых в Самарканде, Бухаре, Дагестане» [Якшибаева, 2015].

В итоге она сама совершила хадж – паломничество в Мекку. Интерес к исламу сказался в ряде её произведений, написанных в начале новой эпохи, где центральными героями были мусульманские святые, связанные в первую очередь с суфизмом. В своих выступлениях и записях Лира Якшибаева и раньше часто обращалась к религиозной теме, поэтому влияние идеи суфизма на её творчество закономерно. *«Мусульмане утверждают, что суфизм возник при жизни Мухаммада и что все суфийские религиозные ордена возводят свое происхождение именно к нему»* [Джон А. Субхан, 2005, с. 11].

Нельзя сказать, что на фоне достижений современной башкирской прозы повести Л. Якшибаевой воспринимаются как что-то оригинальное по композиции, по выбору изобразительных средств. И всё же умение соединить народные легенды и предания с жизнью реальных личностей, совмещая романтический дух с религиозным откровением, исторически достоверная жизненная биография святых в современной интерпретации делает выбранную тему уникальной, привлекает внимание читателя. Именно образ «авлия» принципиален для творчества прозаика, соответствует её духовным запросам и поискам нового героя. Исходя из этого Л. Якшибаеву можно причислить к новаторам современной башкирской прозы. Она возродила утраченные традиции агиографической литературы, занимавшие *«огромное место в истории древней и средневековой культуры Востока»* [Хусаинов, 1996, с. 71], которые, начиная с XIII века, *«на протяжении семи-восьми веков <...> то затухая, то снова входя в силу, продолжали свою жизнь в литературе Урало-Поволжья»* [Хусаинов, 1996, с. 73-74].

Образы святых, созданные Л. Якшибаевой, приближены к своим прототипам. Почерпнутые из реальной жизни моменты позволяют писательнице рассказать о непостижимых тайнах святых и сакральности, о масштабе и силе религиозных учений. Из многочисленных событий, произошедших в жизни персонажей, содержащих в себе религиозную, историческую, художественную правду, вырастает характер героев повести, которые неразрывно связаны со своим народом и прослеживаются в динамике, то есть в их действиях и поступках. Именно религиозная аксиология, на наш взгляд, помогла во всей глубине раскрыть талант писателя и выявить

её видение ислама как особой структуры мышления в решении фундаментальных проблем бытия.

Надо подчеркнуть, что Лира Якшибаева сумела раскрыть сверхъестественные возможности героев, оперируя почти всеми жанрами фольклора. На первый взгляд сюжет произведений, построенный на основе легенд, бытующих среди башкирского народа, повествующих о жизни святых, покажется знакомым. Это сюжет о сироте или же полусироте, который присутствует в том или ином виде в мифологической легенде «Девушка на Луне» (Зухра), сказке «Падчерица Гульбика» (Гульбика), имеет место также и в трилогии «У Большого Ика» народной писательницы З. Бишевой (Емеш), и в повести «Долгое-долгое детство» (Фарида) народного поэта М. Карима.

Это и мифы о всевозможных джиннах, предупредивших Мужавира об обвале шахты, о гневе духа-хозяина (эйэ) золота, отнимающего человеческий разум; и сказ о Хызыр Ильясе, странствующем в одежде нищего, подвергая людей испытаниям; и мунажаты или баиты о Сюмбели – умершей жене Мужавира; и топонимические легенды – о камне пророка около деревни Кадырша, могиле святого шейха на горе Ауштау; и предания о Брагине, восстании 1755 года, названии деревни Шурале, судьбе пророка Аюпа, силе Иблиса. Кроме того, автором тонко используется народная медицина, она описывает обряд заклинания змея, осоклау (лечение) и отливание кот (лечение испуга), выполненное тетей Габдуллы Шамсикамар.

Вместе с фольклорными жанрами, обрядами в повестях художественное освоение имён исторических личностей, оставивших добрые дела в истории народа, таких как Мифтахитдин Акмулла, Заки Валиди, Зайнулла ишан Расулев, Закир и Шакир Рамиевы, Хажиахмет Унасов, Риза Фахретдинов, Гали Сокорой, Шамситдин Заки, Фатих Карим, Шариф Камал способствует расширению духовных возможностей героев, пониманию философско-мистической основы суфизма.

Лира Якшибаева дает начало глубокому образу святого, совмещающего в себе религиозное учение, дар исцеления и просветителя, на фоне великолепного башкирского пейзажа. Она углубленно размышляет о роли религиозных деятелей-авлии в жизни башкирского народа и человеческом мире. Писатель пытается понять и раскрыть духовный мир святых, для неё важнее всего возможность

осмыслить, прочувствовать истоки святости героев и трактовать способы их воплощения.

В повестях есть эпизоды, подробно описывающие, как к героям приходит «внутреннее духовное видение». К примеру, Габдулла Саиди *«прочитал “Аятел Курси”, затем дунул вперед, назад, вверх, вниз, направо, налево и последний, седьмой вдох проглотил внутрь. Затем прочитал свой любимый “Кунут”. После этого его сердце полностью открылось, он с раскрытой душой совершил зикр и вошел состояние ясновидения»* (Якшибаева, 2011, с. 51).

Другой пример – Мужавир хазрет читает 11 раз «Аль-Хамду» (Вся хвала Богу), Аят аль-Курси (255-й аят суры «Корова»), Куль ху Аллаху (сура «Искренность»), 59-й аят суры «Скот», 14-й аят суры «Власть», в двух ракаатах молитвы он обращается «Аль-Хамду», «Неверные» («Ал-Кафирун»), «Предопределение» («Ал-Кадр»), «Искренность» («Ал-Ихлас»), и заканчивает свой намаз сурами «Послеполуденное время» («Ал-Аср»), «Хулитель» («Ал-Хумаза»), «Сотрясение» («Аз-Залзалья»). В конце своего ритуала сжигает, смешав, иван-чай, можжевельник¹, чабрец, и распространяет их запахи в доме. Здесь отпугивание нечисти, на наш взгляд, связано с древним верованием народа.

Писательница стремится к созданию портрета своего героя не только внутренне, но и внешне схожего с исторической личностью: он высокий, наделен физической мощью. Внимание сконцентрировано на глазах Мужавира, пронизывающий взгляд и необычайно светящиеся глаза показывают его внутреннюю силу. Как человек предельной искренности и сильной волевой энергии, он следовал по пути, предначертанном ему Зайнуллой Расулевым для духовного совершенства ещё в детстве. Слова ишана – *«Когда вырастешь, ты, сын мой, будешь обладать могущественной силой. Но применяй её только ради добра и справедливости. Не рвись к материальным благам. Будь ближе к Богу. Вместе с силой на тебя налагается и большая ответственность за судьбы людские»* (Якшибаева, 2011, с. 22) – определили его судьбу.

Путь восхождения своих героев Мужавира и Габдуллы к святости автор представила в виде четырёх ступеней развития суфизма: шариата (соблюдения норм ислама) – тариката (пути) – магрифата (знания) и хакиката (истины). Достигнув конечной цели хакиката, герои обрели *«состояние богочеловека, святого человека («авлия»), через которого*

¹ Можжевельник – священное дерево. Его используют для отпугивания джиннов и шайтанов, в лечебных целях и из-за запаха (Башкирское народное творчество, 1995, с. 489).

«просвечивает» Бог, словами которого говорит Господь» [Рахматуллин, 2013, с. 72].

В произведениях подвластные Богу природные силы и сверхъестественные возможности человека сливаются в единое целое, регулируемое таинственными знаниями суфизма. *«Суфийство – это святость и не отсталость, и не реакционное явление, а наоборот духовная сила, которая охраняла башкирскую землю»* [Шакур, 2011]. В повестях Лиры Якшибаевой раскрыто, что именно суфизм дал толчок развитию сверхспособностей человека, заложенных уже с рождения, *«духовный и интеллектуальный вакуум заполняется “чистым” осознанием Бога, которое исключает каких-либо посторонних мыслей и ощущений»* [Кныш, 2004, с. 360]. И Мужавир хазрет, и Габдулла Саиди, и Зайнулла Ишан – все они были последователями суфийского тариката Накшбандия суннитского толка, с малых лет получили образование в медресе. Герои Лиры Якшибаевой *«верят, что они принимают участие в высших формах эволюции человечества»* [Идрис Шах, 1994, с. 39]. Как суфийские старцы, Габдулла Саиди мог *«ходить по воде»* [Идрис Шах, 1994, с. 40]. В образе Мужаира хазрата и Габдуллы Саиди *«вплочены черты суфийских миссионеров, сыгравших огромную роль в исламизации многих народов, в том числе и башкир, с другой стороны в нем можно увидеть продолжение традицией культа святых»* [Шарафутдинова, 2007, с. 24].

Мужавир хазрат вступает в сокровенный диалог со Всевышним в том числе и через такие элементы природы, как травы, леса, поля, родники, реки, в этом раскрывается его трепетное отношение и привязанность к родной земле. *«Границы представляются не непреодолимыми барьерами на пути культурного диалога, но местом его осуществления. Культуры, будучи отвлеченными от границ, утрачивают почву»* [Шайтанов, 2018, с. 26].

Действительно, истоками гуманности, доброты и человеколюбия в характере святого выступают, в первую очередь, его родная земля, народная мудрость и религиозное учение.

Глубокое символическое значение приобретает художественная деталь – радуга, обрамляющая жизненный путь Мужавира авлии. Будучи девятилетним мальчиком, он, когда пас отару у подножья горы Иманай, вызвал дождь, и *«радуга, протянувшаяся свысока, другим концом нисходила прямо на голову Мужавира»* (Якшибаева, 2011, с. 17). И в конце жизни он видит радугу на горе Иманай. С малых лет до конца своей жизни, как у Габдуллы Саиди, у него было очень много караматов (сверхъестественных деяний), которые обобщены в отдельных главах повести. Это, например, предупреждение обвала шахты в золотом

прииске Закира Рамиева, предвидение Империалистической войны, Октябрьской революции, голода, своего ареста. Когда арестантов гнали из Зилаирской тюрьмы в Уфимскую, Мужавир с помощью своих возможностей заставил конвоиров посадить его на сани. В Уфимской тюрьме с помощью молитв он вылечил дочку судьи, у которой отказали ноги, в деревне вернул дар речи девочке, испугавшейся змеи и зрение ослепшей юной пианистке из Москвы. По дороге домой предвидел судьбу мальчика, что он неожиданно станет сиротой; подсказал чабану Миннигулу место пропавшей отары овец, спас трёхлетних мальчиков-близнецов, оставшихся на улице из-за непристойного поведения пьяного отца. Пророчески предвидев свою судьбу, готовился к своей смерти, завещая своим односельчанам, не трогать гору Кынгырташ, предупреждая о залежах радиоактивных элементов. Тенденция к аналитическому осознанию жизни святых обозначает не показ быта религиозных деятелей, а попытку определить их роль в жизни народа в атмосфере напряженности.

Русская революция отложила трагическую веху в сознании религиозных деятелей, человек, вступив в новый век, утратил связь с корнями. Хазрат, достигший духовной кульминации, с глубокой душевной болью реагировал на лишение народа веры в бога, его самого объявили «врагом народа» и арестовали. Утешало одно, что духовный наставник Мужавира Габдулла Саиди не видел этих дней.

В повестях появляется религиозный характер-тип, исторически правдиво выразивший в себе аксиологические черты ученого богослова, беззаветно служившего предписаниям Священного Корана и защитившего их в противостоянии антигуманным силам. Описанные прозаиком события из жизни башкирских святых приобрели в серии её произведений масштабный характер, они открывают читателям художественное миропонимание автора. Как было отмечено нами, созданию образов святых предшествовал сон писательницы. Затем Лира Якшибаева обратилась к памяти земляков Мужавира хазрета и Габдуллы ишана. В повести «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрат» четко вырисовывается образ башкирского народа. Кто сталкивался с ним, чьи жизненные пути пересеклись с маленьким Мужавиром – все протягивают ему руки помощи. И знаменитый ишан Зайнулла Расулев, и Фахретдин хазрат с абыстаем, и Габдулла Саиди, и Закир Рамиев, и шейх Шамсетдин. Особенно оберегала своего внука бабушка Мужавира, и всех предупреждала, особенно после смерти его матери: *«Не смейте трогать моего меченого сыночка ни руками, ни словами. Мой сын – будущий хальфа <...> Разве не видите, как лучисто его лицо, одухотворенные глаза? Он подобен пророку Юсуфу»* (Якшибаева, 2011,

с. 15). Слова его бабушки подтвердил знаменитый ишан Троицкого медресе «Расулия» Зайнулла Расулев, назвав Мужавира «*будущий авлия XX века*» (Якшибаева, 2011, с. 26).

Вынесенная на первый план глубокая религиозность героев способствует более содержательной и полной передаче роли авлия в жизни народа, вместе с сохранением этнической принадлежности это придаёт повестям Л. Якшибаевой оригинальность. Впоследствии религиозное учение выступает в творчестве Л. Якшибаевой лейтмотивом, определяющим дальнейшее духовное совершенство человечества как прогресс. Это один из аспектов её художественных поисков, которые находятся на границе литературы и теологии. Повести Лиры Ахметовны, роднящие её образы святых с народным творчеством, обусловлены поиском гармоничных взаимоотношений людей между собой и природой, которая является, как и человек, Божьим творением. Во время жизненных тревог, в поисках ответов герои по три-семь дней совершают зикр, обращаясь к Всевышнему. В состоянии внутреннего духовного видения Мужавир и его мударис Габдулла Саиди, используя свой дар, с особым усердием помогают людям, независимо от их вероисповедания, призывая жить по законам божьим, которым следуют они сами. Случаются моменты, когда, по словам Ахнафа Харисова, «*гражданский долг берёт перевес над религиозно-суфийским отношением к миру и социальным явлениям*» [Харисов, 2007, с. 282-283], но это никак не умаляет телесное и духовное начало в образе святых.

Заключение

Таким образом, замысел повестей «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрет» и «Габдулла Саиди» Л. Якшибаевой совпадает с его исполнением, в них писатель стремится передать в точности биографические и историко-культурные данные, хотя характер повествования и манера изложения очень близки фольклору.

Фактической основой аргументации своих героев автор выбрала истории, сохранённые в памяти земляков святых, подчиненные определенной логике. Окружающие люди с детства замечали помеченность героев, они были особыми: маленький Мужавир рос без матери, в 9 лет мог повлиять на природные явления и прославился как будущий авлия, Габдулла осиротел в 9 лет и также проявился как необычный ребенок, в течении 23-х дней во сне видел «*Дуа для счастья*», которые сопутствовали ему на протяжении всей жизни. Во взрослой жизни свой дар и знание они использовали только во благо окружающих их людей.

Караматы Мужавира хазрета и Габдуллы Саиди художественно выверены и обоснованы, поскольку они шаг за шагом закрепляются

сурами Священного Корана, которые передаются отдельными мотивами, показывая осведомленность автора в религиозном учении. Создавая образы святых, описывая их жизни, писатель подчёркивает и социальное начало – у Мужавира хазрета и Габдуллы Саиди были свои медресе, они обучали детей, занимались врачеванием, были не только духовной опорой, но и настоящими руководителями. Посредством образов святых писательница проповедует необходимость познания секретов религиозных учений, выражает идею о том, что синтез интеллекта и гуманизма во взаимодействии приближает человечество к Всевышнему, отказ от них приводит в итоге к духовному кризису. Это, как нам кажется, является ключевым моментом творческой мысли писателя и составляет основу её творчества. Повести Лиры Якшибаевой сочетают конкретное и условное; эту особенность в книге «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрат» также выделял Ф.М. Сулейманов [Сулейманов, 2017].

Ценностные ориентиры автора очевидны: религиозное образование, чистые помыслы, духовная жизнь на лоне природы. Нельзя сказать, что повести безупречны, можно выделить спорные, недостаточно продуманные ситуации, когда в жизни религиозных деятелей вторгаются мифологические персонажи. В конце повести поступок Мужавира хазрета напоминает о знаменитом Урал батыре из эпоса «Урал-батыр». В главах повестей появляются повторяющиеся события. К примеру, глава повести «Сказание о целителе Мужавире. Мужавир хазрат» присутствует и в повести «Габдулла Саиди».

В целом, повести насыщены реминисценциями, именами исторических личностей, фольклорными сюжетами, неразрывно связаны с народными преданиями и легендами. Возвращение к знакомым мотивам башкирского фольклора, древнетюркской литературы и обогащение изобразительными средствами превращают их в настоящее художественное произведение, где автор стремится познать глубинные законы бытия. В своих повестях Л. Якшибаева воплотила память народа, обогатив их знанием суфизма, особенно тариката ветви Накшбандия, что во многом обусловило значительность произведений, их непреходящую ценность.

Литература

Аминев З.Г. О поклонении башкирами-мусульманами могилам святых (әүлиә). Зайнулла Расулев – выдающийся башкирский мыслитель – философ, теолог и педагог-просветитель мусульманского мира. Уфа, 2008.

Джон А. Субхан. Суфизм. Его святые и святыни. Спб., 2005.

Идрис Шах. Суфизм. Москва, 1994.

- Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. Краткая история / пер. с англ. М.Г. Романов. Спб., 2004.
- Рахматуллин Р.Ю. Суфийская антропология // Исламоведение. 2013. № 1.
- Сулейманов Ф.М. Биография и родословная известного табиба и мусульманского деятеля Мужавира Сиражетдинова // Проблемы Востоковедения. 2017. № 1.
- Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа (XVIII–XIX века). Уфа, 2007.
- Хусаинов Г.Б. Башкирская литература XI–XVIII веков. Уфа, 1996.
- Шайтанов И.О. «Мировая литература» как проблема и вызов // Вопросы литературы. 2018. № 6.
- Шакур Р.З. Рухиэтэбез мирасы (Наследие духовности) // Башкортостан. 2011. № 130.
- Шарафутдинова Л.Р. Традиции суфизма в башкирской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.
- Шарипова З.Я. Башкорт эзэби фекере (Башкирская литературная мысль). Уфа, 2008.
- Якшибаева Л.А. Ырысыларга калыр ошо йырым, комарткыга калыр Корьәнем (Песня моя останется певцам, реликвией будет мой Коран) // Башкортостан. 2015.

Список источников

- Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор. Уфа, 1995
- Гогиберидзе Г.М. Исламский толковый словарь. Ростов н/Д., 2009.
- Якшибаева Л.А. Сказание о целителе Мужавире. Мужавир Хазрет. Уфа, 2011.
- Якшибаева Л.А. Габдулла Саиди. Уфа, 2011.

References

- Aminev Z.G. *O poklonenii bashkirami-musul'manami mogilam svyatyh (əyliä)* [On the Worship of Muslim Bashkirs to the Graves of Saints (auliya)]. *Zajnulla Rasulev – vydayushchijysya bashkirskij myslitel' – filosof, teolog i pedagog-prosvetitel' musul'manskogo mira* [Zainulla Rasulev – an outstanding Bashkir thinker – philosopher, theologian and teacher-educator of the Muslim world]. Ufa, 2008.
- Jhon A. Subhan. *Sufizm. Ego svyatyje i svyatyjni* [Sufism. Its Saints and Shrines]. Sankt-Peterburg, 2005.
- Idris Shah. *Sufizm* [Sufism]. Moskva, 1994.
- Knysh A.D. *Musul'manskiy mistitsizm. Kratkaya istoriya* [Muslim Mysticism. A Brief History]. *Per. s angl. M.G. Romanov* [Tr. from English by M.G. Romanov]. Sankt-Peterburg, 2004.
- Rahmatullin R.Yu. *Sufijskaya antropologiya* [Sufi Anthropology]. *Islamovedenie* [Islamic studies]. 2013. No. 1.
- Sulejmanov F.M. *Biografiya i rodoslovnaya izvestnogo tabiba i musul'manskogo deyatelya Muzhavira Sirazhetdinova* [On the Biography and Genealogy of the Famous Bashkir Healer and Muslim Figure Muzhahir Sirazhetdinov]. *Problemy Vostokovedeniya* [The Problems of Oriental Studies]. 2017. No. 1.
- Harisov A.I. *Literaturnoe nasledie bashkirskogo naroda (XVIII – XIX vv.)* [Literary Heritage of the Bashkir People (XVIII – XIX centuries)]. Ufa, 2007.
- Husainov. G.B. *Bashkirskeya literatura XI – XVIII vv.* [Bashkir Literature XI – XVIII centuries]. Ufa, 1996.
- Shaytanov I.O. *«Mirovaya literatura» kak problema i vyzov* [«World literature» as a Problem and Challenge]. *Voprosy literatury* [Literature Questions]. 2018. No. 6.
- Shakur R.Z. *Nasledie duhovnosti* [Heritage of spirituality]. Bashkortostan. 2011. No. 130.

Sharafutdinova L.R. *Tradicii sufizma v bashkirskoj literature* [Sufi Traditions in Bashkir Literature]. Cand. of Philol. Diss. Ufa, 2007.

Sharipova Z.Ya. *Bashkirskaya literaturnaya mysl'* [Bashkir Literary Thought]. Ufa, 2008.

Yakshibaeva L.A. *Pesnya moya ostanetsya pevcam, relikviej budet moj Koran* [My Song Will Remain to Singers, My Koran Will Be a Relic]. Bashkortostan. 2015.

List of sources

Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo. Obryadovyy fol'klor [Bashkir Folk Art. Ritual Folklore]. Ufa, 1995.

Gogiberidze G.M. *Islamskij tolkovyj slovar'*. [Islamic Explanatory Dictionary] Rostov na Donu, 2009.

Yakshibaeva L.A. *Skazanie o celitele Muzhavire. Muzhavir Hazret* [The Legend of the Healer Muzhavir. Muzhavir Hazret]. Ufa, 2011.

Yakshibaeva L.A. *Gabdulla Saidi* [Gabdulla Saidi]. Ufa, 2011.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЖАНРА ДЕЛОВОГО ПИСЬМА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ, СТРУКТУРНЫЙ И НОРМАТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Ю.В. Трубникова

Ключевые слова: деловая коммуникация, официально-деловой стиль, документ, деловое письмо, эффективность коммуникации, ошибки.

Keywords: business communication, official business style, document, business letter, communication effectiveness, errors.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-09

По мнению многих современных исследователей, русский литературный язык переживает сейчас очередной период серьезных изменений, которые обусловлены экстралингвистическими факторами (см., например, [Костомаров, 2005]). Как отмечает М.А. Кормилицына, «в стране произошли и продолжают происходить большие перемены в общественно-политической, экономической, нравственно-психологической, культурной жизни общества. Меняется коммуникативная парадигма современного общества: носители языка все больше осознают свое важное место в общественно-политической жизни, формируют собственные оценки происходящих событий, ведут